

О пользе политической философии

Политика и политическая наука

Наблюдая бурные события последних лет — обилие разнообразных конфликтов, неутрачиваемые дискуссии, шаткие договоренности, — нетрудно заметить, что политика не только выдвинулась на первое место, но приглушила и отодвинула на задний план многие другие сферы деятельности. Неукротимое буйство политики, а чаще политиканства порождает ощущение хаоса, стихийности, дряхлеющей неразберихи, создавая в то же время иллюзию всеобщей интегрированности в политический процесс.

Политика является одним из самых сложных явлений, включенных в целостность общественной жизни. Многие попытки дать ее дефиницию оказываются неудачными потому, что она не может быть отграничена от других общественных феноменов. Этим объясняется большое количество определений политики (в литературе их насчитывается около девяноста). К самым последним достижениям в этой области можно отнести то определение, которое исходит прежде всего из сложности ее структуры, наличия многих измерений. Главные из них: институциональное измерение — фиксирует наличие конституции, правопорядка и традиции, (в английском языке это измерение называют *polity*); нормативное содержательное измерение — указывает на цели, задачи и предмет политики (в английской традиции характеризуется как *policy*); процессуальное измерение — ориентируется на опосредование интересов через конфликт и консенсус. Последнее измерение затрагивает все формы власти и способы их функционирования (английский эквивалент — *politics*). Указанные три формы создают вместе то, что характеризуется в целом как политика¹.

Совершенно очевидно, что комплексный характер политики предполагает ее изучение на основе совокупности экономических, психологических, социологических и других знаний. Однако ценность такого изучения остается проблематичной до тех пор, пока мы не приблизимся к постижению некоей общей природы политики. Первоначально (со времен Платона и Аристотеля) таким всеобъемлющим исследованием человеческой деятельности являлась политическая наука, которая была идентична политической философии. В конце XIX в. политическая наука освободилась от политической философии и стала утверждать, что она напрямую связана с политической жизнью². Несмотря

¹ Wörterbuch Staat und Politik. München, 1991, S. 490.

² Непосредственное отношение к становлению политической науки как самостоятельной дисциплины имели такие европейские ученые, как М. Вебер, В. Парето, Г. Моска, М. Шелер, К. Мангейм, Г. Зиммель и др., хотя вопрос о том, кем были те или иные из них — социологами или политологами, остается спорным.

на то что впоследствии на Западе появились определения политической науки, включавшие в качестве составной части и политическую философию, все же с этого момента политическая наука приобрела свой специфический профиль, который был обусловлен ее преимущественной ориентацией на естественно-научную модель знания.

Что же изучает политическая наука? Она занимается институционально-организационными формами жизни людей. На передний план выдвигаются вопросы, имеющие отношение к политическим институтам и процессам, анализу политических сфер деятельности, национальным и интернациональным формам кооперации и конфликтов, а также проблема обеспечения мира, объяснение политической власти, проекты политического устройства. Основная задача политической науки — поиск рациональных оснований принятия политических решений, разработка практических рекомендаций по сглаживанию социальных конфликтов. Общий предмет политической науки подразделяется на ряд специальных дисциплин, среди которых наиболее разработанными являются: сравнительная теория управления, политическая теория, теория внешней политики и международных отношений.

В последние два десятилетия практически во всех западных странах выделяют три главных направления политической науки: а) так называемая традиционная политическая наука — связывает политико-философские вопросы с преимущественно институциональным рассмотрением политики; б) эмпирическо-аналитическое направление (различные североамериканские варианты политического бихевиорализма) понимает себя как противоположное нормативно-онтологической школе. Это направление нелегко привести к единому знаменателю, так как оно содержит и аналитические, и эмпирические компоненты и склоняется как к макро-, так и микро-анализу политики; в) критически-диалектическое направление занимается анализом базисных общественных условий политических процессов и институтов. Важнейшие импульсы оно черпает из практики развивающихся стран.

Быстрое развитие политической науки, борьба школ и направлений, непрерывающиеся поиски единого предмета содержат опасность разрушения общего контура политической науки, ее дезинтеграции. Она превратилась во многих западных странах в разветвленную академическую дисциплину, не имеющую, однако, ясного представления о своем предмете.

Политическая наука не в состоянии точно очертить границы своего предмета, поскольку они неопределенны и размыты, имеют точки пересечения с идеологией, политической философией, социологией политики и т. д. Само развитие политической науки в рамках принятой методологии понимается как процесс накопления позитивных знаний, отмеченный тенденцией к формализации полученного знания. Ее теоретические обобщения связаны главным образом с представлениями о структуре и связях изучаемых объектов и основываются на деятельности по сбору и обработке политического материала с широким использованием математического аппарата моделирования. В состав политической науки органично входит фактуальное знание, придающее ей конкретность, достоверность, проверяемость. При этом она проявляет склонность абсолютизировать конкретное из-за временной и пространственной ограниченности своего предметного поля. В сложных политико-теоретических построениях, по существу, игнорируются многие различия в механизмах и социальной детерминации принятия политических решений в рамках различных социальных структур и институтов.

Ориентации политической науки на достаточно формализованные и рационализированные методы привели к тому, что многие проблемы политической жизни оказались вне поля ее зрения. (Достаточно указать на такие, как проблема ценностей, понимание власти как универсальной сущности, представление о благе, проблема трансценденции, возможность долгосрочного прогнозирования и т. д.) Упускалось из виду главное — изменчивая

и полиморфная природа политики. Сама политическая реальность — конкретная, многообразная, живая — ускользает, умерщвляется, становится осколочной, когда к ней применяются методы, формирование и развитие которых проходило в основном под знаком преобладающего влияния естественно-научного познавательного идеала.

Безграничная вера в непогрешимость этого образа науки привела к всеобщему господству рационализма, ставшего обязательным и универсальным принципом не только для наук о природе, но и для наук об обществе. Универсальность этого принципа отрицает в человеке собственно человеческое. Советское обществоведение и было выражением крайнего рационализма, покоящегося на вере в возможность рационализировать человеческую жизнь и подчинить ее определенным установлениям. Произошедшее в наши дни крушение многих канонизированных мифов стало символом очевидной несостоятельности рационализма.

К сожалению, крайний рационализм и поныне остается определяющим в решении политических и социальных вопросов, а когда при таком подходе ожидаемого эффекта не наступает, то это обычно объясняют непродуманностью принятых решений. Конечно, непродуманность в рамках принятых логических схем вполне возможна и часто действительно имеет место. Но дело, думается, в другом: модернизируемые рациональные схемы, создаваемые на базе все тех же познавательных принципов, не в состоянии охватить существование разнокачественных состояний общества, действие многих различных индивидуальных сил. Об этом писал еще Платон: «Ведь несходство, существующее между людьми и между делами людей, а также и то, что ничто человеческое никогда не находится в покое,— все это не допускает однозначного проявления какого бы то ни было искусства в отношениях всех людей и на все времена»³. К этому следует добавить, что политическая сфера жизни, как никакая другая, отличается чрезвычайной активностью субъективного фактора; поэтому необходимо учитывать и проявления неких иррациональных начал в общественно-политической жизни, которые — хотим мы того или нет — время от времени дают о себе знать то в межнациональных конфликтах, то еще в каких-либо акциях.

Политика и политическая философия

Политическая наука является связующим звеном между политикой и политической философией. Эта наука, с одной стороны, поставляет материал для формулирования философских идей, с другой — разрабатывает способы их конкретного воплощения в жизнь. Несмотря на наличие некоторых общих моментов (обращение к фактам, систематичность и целостность исследования, проектирующая деятельность, психологизация исследования, социальная детерминация и т. д.), политическая философия по многим параметрам выходит далеко за пределы политической науки.

Там, где политическая наука неизбежно наталкивается на границы собственного применения, ее дело более успешно может продолжить политическая философия, которая стремится к охвату всего многообразия политических процессов, их характера, направленности, роли и места человека в них. В методологическом плане отличие политической науки и политической философии коренится в различиях между конкретно-научным и философским типами знания.

Если традиционный научный подход во многом дегуманизирует политику и человека, видя в нем объект исследования и манипулирования, то философия восстанавливает значимость человека как субъекта действия, объединяя «человека экономического», «социологического» и «психологическо-

³Платон. Политик, 294. М., 1972, с. 59.

го». Политическая философия претендует на синтез наших знаний о противоречиях между группами людей, борющихся за власть внутри политического сообщества, и о способах достижения такого порядка, который наиболее соответствовал бы требованиям человеческого достоинства и представлениям о справедливом мироустройстве.

Научиться понимать политические процессы можно только в том случае, если относиться к ним в соответствии с жизненным смыслом философских понятий и принципов, какими бы отвлеченными они ни казались. Политическая философия имеет дело с политическими вопросами и направлена на решение проблем, имеющих отношение к политической жизни. Однако в отличие от политической теории, которая интересуется прежде всего специфическим политическим порядком, политическая философия обращается к смыслу человеческих действий в контексте общественной жизни и институциональных форм политического устройства. Она очень многообразна и допускает разночтения. Выступая, например, в качестве политической антропологии, находит свой предмет в попытках вывести соответствующие формы общественной и государственной организации из социально понимаемой природы человека. В качестве политической этики — направлена на обсуждение отношений политики и морали, на размышления о принципах и нормах политического устройства и действий. Основные темы политической философии — власть, общее благо, справедливость, равенство, свобода, человеческое достоинство, правовые основания государственности. Ее важнейшая функция — общественно-критическая, так как она ориентирована на познание условий и предпосылок справедливой, разумной жизни, соответствующей человеческой природе. Формулировка претендующих на всеобщность политических норм имплицитно содержит оценку легитимности господствующих отношений.

От идеологии политическая философия отличается тем, что она не занимается анализом политических идей, их возникновением, внутренними связями и отношением к материальному миру, а также обоснованием политических убеждений, программ действия и систем господства.

Поскольку политическая философия является частью общей философии, формирование ее понятий и системы знаний зависит от гносеологических, онтологических и антропологических установок и принципов.

Бедствия нашего времени, кризисная полоса современного развития выдвигают в политике на передний план сиюминутные задачи политической борьбы, блокируя интерес к более глубоким историческим причинам этих процессов. Подобное умонаправление привело к примату политики в жизни общества, который можно рассматривать в качестве ответа на изменение статуса других сфер общественной деятельности, в том числе философии. Данное явление, хотя и объяснимое, в целом негативно. Недаром Н. Бердяев в своем послесловии к «Философии неравенства» призывал к тому, что «должна быть в мире преодолена диктатура политики, от которой мир задыхается и исходит кровью»⁴. Назначение политической философии в этих условиях — в отличие от установок прежнего обществоведения — не оправдывать политику и подводить под нее теоретические основы, а проливать свет на действия политиков, устанавливать глубинные связи между человеком и историей, прогнозировать политические процессы.

Поэтому ясно, что для политической философии не представляют большого интереса то и дело разгорающиеся у нас споры, например, о том, кто «правый» или «левый», — и не только из-за размытости этих определений. Они мало что дают в плане постижения предмета спора, выяснения истины и, кроме того, сеют раздоры и питают злые чувства, что можно в избытке наблюдать в нашей современной политической жизни. Актуально

⁴ Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 1990, с. 277.

и справедливо звучат в этой связи слова Бердяева: «Истина не знает категорий «правости» и «левости», она не потворствует тем злобным инстинктам, которые вокруг «правости» и «левости» разгораются»⁵. А М. Мамардашвили деление на радикалов и либералов называл псевдоделением, ибо «свет сам по себе настолько радикален, что есть лишь деление на светлых и темных, т. е. разумных и неразумных»⁶.

Продолжающееся господство клишированного мышления — органического устоя тоталитарного общества — есть следствие непримиримой противоположности между философией и политикой, при которой сферой философии оставались поиски истины, а сферой политики — достижение власти. Требование предоставить политику самим политикам обнаруживает стремление направить политику в русло голой целесообразности, в рамках которой уже, собственно, не остается места для философского подхода. При таком положении дел не удовлетворяется насущная духовная потребность широких слоев общественности ставить и получать ответы на вопросы о смысле политики, ее ценностях и целях, обсуждать мировоззренческие основы политического действия.

Эта ситуация убеждает в том, что мы еще долго, не созная этого, будем оставаться пленниками тоталитарного мышления, даже тогда, когда берем на вооружение новые идеи. Дело в том, что в соответствии с традициями этого мышления любая инновация, как правило, абсолютизируется, делается односторонней и поэтому, конечно, вызывает такую же одностороннюю обратную реакцию. Этому способствует также и привычный страх оказаться невстроенным в русло новых идей и веяний, боязнь подвергнуть их критическому философскому осмыслению, особенно если они прозвучали пусть с другой, но все-таки достаточно высокой трибуны.

Несмотря на это непростое наследие, стимулы для развития политической философии все же имеются. Острые потрясения, которые переживает наша страна в последнее время, неизбежно выдвигают задачу всестороннего осмысления реальных проблем и противоречий. Становится ясно, что в решении сложных и многообразных задач современности политика все меньше может опираться на свои собственные механизмы. Вполне закономерно поэтому, что к политической философии растет интерес как со стороны широких кругов общественности, так и со стороны профессиональных политиков. Первые хотят понять природу политических действий, свое место и роль в политической жизни современного общества. Вторые стремятся найти некоторые общетеоретические основания для принятия ответственных и социально значимых политических решений. Оправдать эти ожидания — не только профессиональный, но и гражданский долг политических философов.

Задача политической философии — вскрывать духовные и онтологические основы политической жизни. Это значит, что политическая философия должна как бы вращаться между двумя полюсами. Один полюс — объективная реальность государства и власти, которые представляют самостоятельную ценность и не могут быть отменены по человеческому произволу. Другой — человек с его индивидуальностью, свободой воли и выбора, собственной ценностной системой. Трагическое размежевание философии и политики в нашем обществе привело к тому, что проблематика человека, являющаяся в сущности ключевой для обеих, почти полностью выпала из поля зрения творцов политики, ее практических исполнителей и исследователей. А между тем никакой особой проблемы в политике не возникало бы, если бы человек, участвующий в ней, мог оставить где-то в стороне и свои субъективные пристрастия, и свои устремления, и свою систему ценностей, которыми пропитаны способ его мышления и методы политического действия.

⁵ Там же.

⁶ М а м а р д а ш в и л и М. Как я понимаю философию. М., 1990, с. 211.

Человеческое измерение политической философии

Ориентацию политической философии на человека можно проследить по меньшей мере в трех основных аспектах: эмоционально-иррациональном, прогностическом, ценностном.

1. Эмоционально-иррациональный аспект. В истории человечества роль эмоционально-иррационального фактора чрезвычайно велика. Так, многие национально-освободительные войны велись на основе таинственного чувства любви к отечеству. Патриотизм способен — и так бывало не раз — опрокинуть многие самые продуманные рациональные решения и ожидания. Войны и в прошлом, и в настоящем ведутся, как правило, под знаменем некоей сверхценной идеи. В качестве таковой нередко выступают религиозные идеи, национальные идеи, имеющие глубокие психологические корни. Эти идеи конденсируют в себе разнообразный исторический опыт многих поколений и оказывают даже более сильное политическое воздействие на сознание людей, чем традиционные гуманистические идеи свободы, справедливости, парламентской демократии и т. д.

Возьмем еще пример: в политике широкое распространение имеет противопоставление «друга» и «врага», которое, по мнению известного немецкого теоретика К. Шмитта, является решающим критерием политического мышления⁷. Эта оппозиция укоренена в истории человеческой культуры, хранящей память о самой архаичной схеме, с помощью которой человек определял смысл взаимоотношений людей внутри человеческого сообщества. Искусно навязанный образ «врага»⁸ был излюбленным методом борьбы за политическое господство во все времена. Он всегда эмоционально окрашен и поэтому оказывает более быстрое воздействие на людей, своеобразно преломляясь в их политическом сознании. «Враг», как правило, наделяется крайне однозначными, негативными признаками, причем формируется такая совокупная характеристика его черт, на которую могла бы быть возложена ответственность за любые экономические и политические неурядицы безотносительно к реальным характеристикам конкретных людей или каких-то их групп. Изолировав человека или группу людей от конкретной обстановки и представив в качестве «врага»⁸, политик может наделить их такими чертами, которые отвечают его интересам и субъективным представлениям о них. Цель такой процедуры — заменить всю сложность и противоречивость социально-политических проблем плоской, «двухцветной» психологической, эмоциональной константой, чаще сводимой к бессознательным импульсам агрессии и враждебности. Именно поэтому до сих пор самые удачливые в истории политики — те, которые умели использовать бессознательные проявления человеческой природы в своих целях.

В ситуации беспрецедентного кризиса, разразившегося в нашем обществе, истоки которого не могут быть объяснены какой-либо одной причиной, элемент иррациональности особенно велик. Наглядно он проявился, например, во время выборов президента России. Победа Б. Ельцина как лидера демократических, возрожденческих сил была предопределена рядом объективных обстоятельств, а также его личными достоинствами. Но несомненно и то, что вера в возможность чудесного избавления от захлестнувших нас проблем, вера в особые свойства личности содержала в себе иррациональный момент, который во многом и обеспечил такой результат. Конечно, этому феномену можно найти и рациональное обоснование, но оно все-таки будет оставаться неполным. Недостающие элементы подобного объяснения уже давно раскрыл известный немецкий ученый Р. Михельс, который отнюдь не был склонен к столь привычной для нашего обществоведения идеализации

⁷ Schmitt C. Der Begriff des Politischen. Munchen— Leipzig, 1932.

⁸ Этот вопрос освещен в моей статье «Проблема власти и политическая идеология „новых правых в ФРГ“». «Власть. Философско-политические аспекты». М., 1989.

масс: «Массы испытывают глубокую потребность в почитании личности. В своем примитивном идеализме они нуждаются в земных божествах, которым следуют со слепой верой тем более, чем сильнее их захватывает грубая жизнь». В этом смысле человек, увенчанный лавровым венком или, наоборот, терновым, воспринимается массами в ореоле национального героя. Можно сказать, что влияние психологических факторов, из-за которых происходят многочисленные искажения, маскировки реалий общественной жизни, столь велико, что в качестве типа мышления определенных слоев они обретают политическое значение. Поэтому политическая философия не может не принимать во внимание различные состояния индивидуального, группового и общественного сознания, психологическую реальность жизни людей, различных общественных групп — то, что образует способ их существования.

2. Прогностический аспект. Существенной стороной политической деятельности человека, которая не вмещается в жесткие рамки рациональных схем, является политическое предвидение. Предвосхищения и ожидания относительно будущего играют в политике незаменимую роль, ибо политика всегда ориентирована на будущее. Собственное поле напряжения в политической жизни как раз и состоит в противоборстве между двумя характерными тенденциями — к сохранению существующих порядков и преобразованию общества. Преобладающей из них чаще всего оказывается тенденция к изменению, берущая начало в творческой активности и свободной воле человека; одновременно она расширяет область неопределенности для человека, ориентируя его на достижение нового.

Прогнозирующее политическое мышление, по сути, определяет весь спектр соответствующих действий. Это видение будущего вовсе не обязательно должно осуществляться в каких-либо зримых, воображаемых картинах. Проблема заключается в том, чтобы в политических коллизиях сегодняшнего дня ощутить те глубинные тенденции, которые воздействуют на общий ход и направление политического процесса. Ориентация на будущее отражает современные политические действия в аспекте идеала, т. е. в аспекте того, каким должно быть «лучшее» политическое устройство, а не только в том аспекте, каким оно «есть».

Когда политика лишена устремленности в будущее, тогда политические действия ориентируются только на достижение немедленного политического успеха и имеют лишь конъюнктурное значение. А это — питательная почва для быстрого усиления политической поляризации между различными группировками, до предела расширяющей спектр левых и правых позиций в политической жизни общества. Отсутствие ориентации на будущее может привести к тому, что в обществе все больше будет увеличиваться разрыв между прагматическим и гуманистическим, ценностным подходами.

Характерным примером в этом отношении является современное немецкое социал-демократическое движение. Оно всегда было ориентировано на реальную ситуацию, на получение непосредственной отдачи от предпринимаемых политических акций. Избранный социал-демократией путь эволюционного развития принес ей немало успехов благодаря переносу акцентов (в отличие от коммунистической доктрины) с будущего на настоящее, ибо без учета многообразия «сейчас существующих» общественных интересов жизнь не только не естественна, но и не гуманна. Значительные успехи, достигнутые социал-демократами в 70-е годы, вызвали небывалую эйфорию и настолько вскружили им голову, что партия в своих официальных решениях, заявлениях перестала использовать понятие «демократический социализм», которое давало движению некоторое общее направление.

Ориентация на достижение немедленного политического успеха, борьба

⁹ M i c h e l s R. Zur Soziologie des Paneiwesens in der modernen Democratic. Leipzig, 1911, S. 67.

за удовлетворение ближайших требований при утрате исторической перспективы постепенно превращались в самоцель, становились самодовлеющими. Долгие годы тактикой партии была реакция на условия, которые складывались в общественной жизни. Шаг за шагом она утрачивала свои позиции, а в ее рядах нарастало ощущение кризисности и беспокойства. Все попытки преодолеть это состояние оказывались тщетными. Предпочтение стихийности и прагматизма в социал-демократии привело в конце концов к тому, что она утратила доверие избирателей и превратилась лишь в своеобразный регулятор социальных отношений с довольно ограниченной ролью в обществе.

Другую крайность представляет коммунистическая доктрина, всем своим существом нацеленная в будущее, на построение нового, бесклассового общества. В жертву гипотетическому образу «светлого будущего», созданного на иллюзорной основе, были принесены в бывшем СССР многие поколения людей, судьбы миллионов и миллионов. Однако провозглашенная цель оказалась декларативной, не имеющей под собой никакой реальной базы. Выдвижение на передний план факторов концептуальности, «научной идеологии», сознательности в построении нового общества, отличавшее коммунистическую доктрину, не получило и не могло получить адекватного воплощения в жизни из-за значительного отрыва идеологическо-политических концепций, лежавших в основе этой доктрины, от проблем реальной жизни.

Таким образом, эти две крайности — одна, ориентированная исключительно на день сегодняшний, другая — на завтрашний — продемонстрировали свою явную недостаточность, односторонность. Главный урок, который необходимо извлечь, состоит в осознании необходимости правильного соотношения между ориентацией на будущее и реальными жизненными процессами. Эта задача исключительно сложна, но без ее решения не может состояться эффективная, достигающая своих целей политика.

Неумением или нежеланием отслеживать последствия принимаемых политических решений отмечены, к сожалению, и события последних лет. Можно сказать, что наша политическая жизнь изобилует этими фактами, иначе результаты перестройки не были бы такими плачевными, а возникшие проблемы столь сложными и запутанными, что даже западные эксперты отстают перед ними в растерянности. Без достоверного политического предвидения идеалы свободы и демократии могут оказаться неосуществленными. Поэтому и сегодня актуально звучат слова Яспера: «...открытость в видении будущего является условием свободы, широта горизонта — условием отчетливости нашего решения в настоящем. Взвешивая возможности и шансы, человек пытается найти правильные решения. Спекулятивное мышление о будущем — отнюдь не постижение однозначной возможности, а проникновение в сферу открытых возможностей и вероятностей»¹⁰.

Ориентация на будущее — плод взаимодействия двух миров, объективного и субъективного. Наметившийся сейчас поворот к субъективному миру, к пониманию его вклада в многомерность политического развития начинает менять наши взгляды и на характер целостности этих двух миров, и на способы политического предвидения.

Сегодня мы наблюдаем, как различные политические и неполитические организации энергично стремятся овладеть функцией политического прогноза. За этим стоят фундаментальные потребности общества, мучительно выбирающего пути своего развития, форму будущего социального устройства. Однако методологическая база этих поисков остается во многом эмпиричной, нередко смутной и противоречивой, что связано и с кризисным состоянием традиционных философии, методологии и мировоззрения. Поэтому в политической

¹⁰Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 2. М., 1991, с. 76.

философии на одно из первых мест сегодня выдвигается задача разработки гибкой методологии политических прогнозов.

3. Ценностный аспект. Политические явления невозможно изучать без того, чтобы не учитывать ценности, которые являются символической частью политической реальности. В политике действует человек, который ведет себя в соответствии со своим складом ума, ценностными представлениями. Так что никакая политическая сила не может быть исключительно материальной. Своим участием в политике индивид пытается что-то изменить в мире по-своему. Он выдвигает те или иные требования, так как считает что-то справедливым или, наоборот, несправедливым.

Человек имеет свои ценности не потому, что он служит какой-то цели, а потому, что отношение цели и средств уже рассматривает как ценность. Особенно это проявляется в политике, все искусство которой заключается в том, чтобы соблюсти ту меру взаимодействия цели и средств, которая обеспечивает политическим мероприятиям необходимый социально-исторический смысл. Утрата этой меры приводит к тому, что ценности, составляющие наиболее глубокую внутреннюю основу политической цели, перестают выражать реальную связь устремлений субъекта с объективными предпосылками. Тогда они представляют собой не что иное, как результат простого идеологизирования, при котором имеют место, с одной стороны, политиканство, а с другой — благонамеренные абстрактные пожелания, выраженные в таких популярных лозунгах, как «свобода», «справедливость», «равенство», еще, кстати говоря, нигде в полной мере не претворившихся в действительность. Отсюда вытекает, что политика всегда ценностно определена, т. е. по своей природе связана с ценностями. Там, где человек действует политически, он субъективно для себя осуществляет ценность. Одновременно его действия касаются и других людей, поэтому они подлежат объективной оценке. Конечно, это не означает, что исключительно все политические решения непосредственно связаны с ценностями; они могут быть и просто ситуационно обусловленными, как это предполагает современная теория политики¹¹.

Сейчас в нашей стране наблюдается возрождение интереса к сфере ценностей, которое стимулируется нарушением социальной и политической стабильности. В этих условиях трудности в достижении намеченных целей значительно возрастают. Поэтому ценности кажутся точками, опоры, ориентирами для определения смысла и содержания жизни, выражением ее непрерывности. Сохраняя свое нормативно-обязующее значение, ценности служат не столько конкретным предписанием для непосредственной практической деятельности, сколько идеальным образцом, отдаленным от каждодневной сиюминутной ситуации, от реальных возможностей их исполнения. Они принимаются во внимание, так как кажутся символом порядка в хаосе жизни и сложной сети общественных отношений.

Если обратиться к опыту других стран, то и в их социально-политическом развитии постоянно прослеживались фазы, ознаменованные попытками организовать политическую жизнь с помощью централизованных лозунгов или концепций, основу которых составляют те или иные ценности (например «американская мечта»). Важность для государственной политики ценностных ориентации обосновал, к примеру, канцлер ФРГ Г. Коль: «Политика, лишенная ценностей и перспектив, неизбежно ведет к размыванию основ стабильности государства и общества, искажает социальные ориентации индивидов, лишает их уверенности в социальном и личном существовании»¹². Однако сложность проблемы ценностей в политике состоит в том, что она,

¹¹ Buchheim H. Theorie der Politik. Munchen, Wien, 1981.

¹² К о л л Г. Der Weg zur Wende: Von der Wohlfahrtsgesellschaft zur Leitungsgemeinschaft. Hunsun: Geist und Politic, 1983, S. 27.

может быть, как никакая другая сфера человеческой деятельности, чутко реагирует на конкретное содержание ценностей; здесь они постоянно «прощеиваются» и быстро обнаруживается, что ценности — даже «вечные», общечеловеческие — подвержены историческим изменениям и переосмыслению.

Такие ценности, как свобода и справедливость, несомненно, играют жизненно важную роль в обществе и даны нам вместе с нашим существованием и общественной жизнью. Это относится к большинству ценностей, которые в западной политологии обычно называют базовыми. В отличие от ценностей, затрагивающих сферу труда, семейной жизни досуга и т. п., они имеют главным образом политическую направленность. Этим объясняется особый интерес к ним со стороны различных политических сил. Однако из-за абстрактного характера формулировок базовых ценностей можно не так уж много узнать о сути конфликтных ситуаций, стоящих за ними. Часто повторяемое: «мы за справедливость, а вы — нет» далеко не всегда раскрывает суть проблемы, а нередко и затемняет ее¹³.

Свобода или справедливость никогда в своей всеобщности не очевидны, не познаваемы, не мыслимы. Они не имеют четко фиксированного содержания: многие мировоззренческие и политические вопросы часто преподносятся под этим углом зрения. Что касается свободы, то Ш. Монтескье, например, считал, что нет другого такого слова, которое имело бы столь разнообразное значение. Одни принимают его за возможность низложить тирана, другие — за право избирать того, кому они должны повиноваться, третьи — за право быть вооруженным и совершать насилия. Четвертые связывают это понятие с определенной формой правления, противопоставляя ее другим формам. Некоторые называют свободой правление, согласное с их специфическими обычаями и наклонностями.

Основные ценности функционируют прежде всего как указатели пути, но не как сама цель. И как таковые они описывают не цель, а только направление, являясь не чем иным, как давней мечтой человечества. Очевидно, речь идет о неточном масштабе, которым мы измеряем конкретное. Объективного критерия для общего положения «это хорошо» в этой сфере не существует. Свойственная ценностям ориентация на идеальный предел маскирует наличие социальной дифференциации, идеологических и политических разногласий, ограниченных возможностей для социальной справедливости. Однако для нашей обычной повседневности существенно то, что ценности связаны с нашими чувствами и настроениями таким образом, что всегда могут быть регулятивами нашего мышления и действия, поскольку за ними — глубоко пережитый опыт всего человечества.

А так как содержание и происхождение ценностей не столько сознаются, сколько угадываются, они часто характеризуются как пустые формы. Но даже пустые формы имеют свою функцию: они должны снова и снова обсуждаться и применяться к конкретным ситуациям. Когда говорим о ценностях, то скорее всего находимся в сфере конвенции, коллективных привычек и традиций. Любая попытка выхода за эти пределы почти неизбежно приводит к однобокой партийности, которая оспаривает за инакомыслящими право на собственное мнение и собственное действие.

Теоретически можно предположить, что ценности могут иметь много разных форм выражения и способов проявления. Отсюда следовало бы сделать вывод, что многие единодушны в признании тех или иных ценностей, но расходятся лишь в их трактовках. Примечательный пример приводит в своей книге польский ученый М. Оссовская, показывая, что расхождения могут быть гораздо более глубокими: «Известный этнограф и социолог Б. Малиновский в 30-е годы рассказывал студентам о своем разговоре с островитянином Тихого

¹³ См. S p a e m a n R. *Moralische Grundbegriffe*. Munchen, 1991.

океана. Он поведал ему о разыгравшейся в Европе первой мировой войне, которая привела к многочисленным жертвам. На что островитянин скептически заметил, что такого количества мяса съесть невозможно. В Европе нет каннибализма,— сказал Малиновский. Но тогда вообще бессмысленно убивать так много людей,— воскликнул островитянин»¹⁴.

В обеих культурах, представленных здесь собеседниками, жизнь одинаково предстает как ценность. Но основания, по которым в том и другом случаях совершаются убийства, настолько далеки друг от друга, что едва ли можно предположить, чтобы оба способа поведения могли сосуществовать в рамках общей системы ценностей. Таким образом, ценности требуют постоянной конкретизации и интерпретации применительно к исторически определенной ситуации. В своем конкретном изложении они ни в коем случае не встречают того единодушного одобрения, которое вызывают их общие формулировки. Все за справедливость, но как только справедливость получает шанс восторжествовать благодаря конкретным политическим мероприятиям, начинаются разногласия.

С социологической точки зрения ценности выполняют функцию обоснования культуры, а значит делают возможной полнокровную общественную и политическую жизнь. Абсолютное же безразличие к поискам ценностей означает доведенный до крайности плюрализм и, следовательно, распад общества. Тогда вербальное признание ценностей теряет свой смысл, что и наблюдается сегодня в нашем многострадальном обществе, не имеющем ни стабильности, ни личной, ни коллективной безопасности.

Поскольку многое упирается в ценностный мир субъекта, постольку вопрос об аксиологической функции политической философии предстает во всем его значении. Иначе говоря, это один из ее основных вопросов. На мой взгляд, только политическая философия в состоянии определять критерии добра и зла в политической деятельности, а политика, как к этому призывал еще Бердяев, должна занять в обществе свое подчиненное, второстепенное место. Политическая философия призвана «просветить» динамику политических процессов, структуру и развитие общественного сознания, его социальных функций, дать оценку важнейшим политическим событиям. Поэтому она должна активнее обращаться к вопросам, волнующим множество людей: как жить, куда двигаться, к реализации какого общественного идеала стремиться; воспитывать философский взгляд на мир, без чего демократическое общество не добьется успеха.

¹⁴Ossofska M. Gesellschaft und Moral. Die historische und sozia'e Bedingtheit sitlicher Grundhaltungen. Dusseldorf, 1972. S. 142.